

КИНОВИТЫ И АНАХОРЕТЫ

(Отношения в среде византийского монашества по памятникам агиографии XIV в.)

Как один из важнейших компонентов социальной структуры общества византийское монашество постоянно находится в поле пристального внимания исследователей. Тем не менее недавний критический обзор основных направлений современной историографии, предпринятый А. Пападакисом¹, выявил обширный круг сюжетов и тем, нуждающихся в изучении. К ним стоит отнести тему отношений между собой групп, составляющих монашество. Имеются в виду киновиты и анахореты, представлявшие основные стили жизни иночества. Генетически обе категории восходят к египетским отшельникам IV в., в среде которых предпринимались первые попытки регламентации отношений между теми, кто стремился к уединению, и предпочитавшими "общее житие". Исследовать эти отношения можно по монастырским типикам и актовым материалам, отразившим прежде всего идеальный образ и внешнюю сторону бытия иноков. Однако целью данного очерка является раскрытие внутренних связей на уровне межличностных контактов в повседневной жизни, что составляет важный аспект исследования темы.

Необходимые для анализа сведения сохранились в житийной литературе, вместившей наряду с риторикой и стереотипами яркие зарисовки нравов и бытового поведения монахов. В настоящей работе использованы памятники агиографии XIV в. — столетия, отмеченного всплеском политической и интеллектуальной активности иночества, что делает избранный сюжет еще более интересным, превращает его в существенный штрих в портрете монашества. Изучены два жития афонского отшельника Максима Кавсокалива², жития Григория Си-

¹ Papadakis A. Byzantine monasticism reconsidered // BS. 1986. Т. 47 (1). P. 34-46.

² Halkin F. Deux vies de S. Maxime le Kausokalybe, ermite au mont Athos (XIV-e s.) // *Analecra Bollandiana*. Bruxelles, 1936. Т. 54. Житие, созданное перомонахом Нифонтом — С. 42-65 (далее в тексте — ЖМКП);

наита¹ и Ромила², Григория Паламы³ и патриарха Афанасия I⁴, то есть наиболее ярких приверженцев аскезы, являвшихся в тот или иной период своей жизни анахоретами⁵. Известность этих святых благодаря прямому или косвенному участию в общественной жизни приводила к тому, что круг их общения был весьма широк. В житии Максима Кавсокаливя, созданном иеромонахом Нифонтом, упоминаются 66 человек, имевших контакты со святым. В житии Григория Паламы таковых 32, Григория Синаита — 25, Афанасия I (пера Феоктиста Студита) — 27, Ромила — 13. Подавляющее большинство среди них составляют монахи, приходившие к святым ради общения или по конкретным поводам.

С первых веков существования монашества позиции светской и церковной властей по отношению к киновитам и анахоретам варьировались в зависимости от ситуации. Если законодательство Юстиниана, позволяя практику отшельничества, более благосклонно было настроено в отношении киновиального режима, дающего широкие возможности для контроля⁶, то монастырские уставы позднейшего времени показывают порой решительное неприятие анахоретства, что характерно для аристократических типиков⁷. Даже знаменитый Афанасий, основатель Великой Лавры на Святой Горе, дал повод

житие, автор которого проигумен монастыря Вагопед Феофан — С. 65-109 (далее в тексте — ЖМКФ).

- 1 Помяловский И. Житие иже во святых отца нашего Григория Синаита // Записки историко-филологического факультета императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1896. Ч. XXXV. С. 1-46 (далее в тексте — ЖГС).
- 2 Сырку П.А. Монаха Григория житие преподобного Ромила. СПб., 1900 (далее в тексте — ЖР).
- 3 Tsamis D.G. Filotheou Konstantinoupoleos tou Kokkinou agiologika erga. A. Thessalonikeis agioi. Thessalonike. 1985. S. 427-591. (далее в тексте — ЖГП).
- 4 Житие, написанное Феоктистом Студитом: Пападопуло-Керамевс А. Жития двух вселенских патриархов XIV в., свв. Афанасия I и Исидора I. СПб., 1905. С. 1-51 (далее в тексте — ЖАС); житие — труд Иосифа Калофета — Tsamis D.G. Iosef Kalothetou suggrammata. Thessalonike. 1980. (далее в тексте — ЖАК).
- 5 Все 16 византийских святых XIV в., изученных А. Лайю-Томадакис, были монахами и обязательно часть своей жизни провели на Афоне: Laiou-Thomadakis A.E. Saints and Society in the Late Byzantine Empire // *Charanis Studies*. New Brunswick, N.Y. 1980. P. 85.
- 6 Janin R. Le monachisme byzantin au Moyen Age. Commende et typica (X-e - XIV-e siècle) // *REB*. 1964. T. XXII. P. 6.
- 7 Gaiatariotou C. Byzantine ktetorika typika: a comparative study // *REB*. 1987. T.45. P. 132-133.

для сомнений относительно его восприятия усединенного подвижничества. Как известно, он считал необходимым строго ограничить число живущих вне монастыря, установив для своей обители, вмещавшей 120 человек, правило, позволявшее содержать не более пяти отшельников, в связи с чем М. Живоинович полагает, что Афанасий рассматривал жизнь в киновии как более возвышенную, чем бытие в усединении¹. Д. Папахрисанфу, чье мнение в этом вопросе предпочтительнее, уверена в том, что создатель Лавры признавал превосходство пустынноничества-исихии, считая вместе с тем, что оно является уделом немногих². Важно отметить, что позиция Афанасия определила на будущее примерное количественное соотношение киновитов и анахоретов. Если учесть, что большинство византийских монастырей насчитывали от 10 до 20 монахов³, то число взятых ими на содержание пустынножителей должно было быть очень невелико.

Жития XIV в. обнаруживают существование в среде живущих усединенно сильной тяги к установлению тесных взаимных связей, к созданию своего рода корпорации, основанной прежде всего на взаимопомощи. Так, Ромил в случае, если кто-то из монахов Афона строил келью поблизости, помогал ему сам или посылал своего ученика. О помощи такого рода сказано: "как обычно было" (ЖР. С. 22-23). Отшельники оказывают помощь друг другу в деле духовного совершенствования. Григорий Синаит в поисках подвижников умного делания обходит Афон и в ските Магула находит трех старцев, возле которых немедленно поселяется (ЖГС. С. 10. 17-25). Григорий Палама обсуждает со старцем Йовом в ските Веррия тему молитвы как долга не только монахов, но и мирян (ЖГП. С. 457. 16-21). Передача духовного опыта могла сопровождаться предоставлением книг (ЖР. С. 27-28). Несомненно, имела важное значение многократно упоминаемая в житиях взаимная поддержка анахоретов в голодное время или просто при острой нужде. Ромил, к примеру, отдает половину своих хлебов иноку, недавно появившемуся на Святой Горе (ЖР. С. 23). Поскольку, как при-

¹ Живоиновић М. Светогорске келије и пиргови у средњем веку. Београд, 1972. С.13.

² Papachryssanthou D. Actes du Protaton. P., 1975. P. 79.

³ Janin R. Le monachisme... P. 29-31; Charanis P. The Monk as an Element of Byzantine Society // DOP. 1971. T.25. P.72.

вило, всякий живущий в ските имел по меньшей мере одного ученика, опытные старцы осуществляли их коллективное воспитание. Тот же Ромил принимал для исправления молодых послушников, присылаемых к нему старцами, отчаявшимися привести строптивцев к смирению (ЖР. С. 28).

Уединение, к которому стремились анахореты, часто нарушалось и становилось условным, особенно когда они получали известность в монашеской среде. В таком случае к ним начинали приходиться иноки Афона ради беседы, исцеления или благословения. Автор жития Ромила сравнивает их тягу к святым с притяжением магнитом железа (ЖР. С. 24). Развивается теоретическое обоснование необходимости общения с братией. Григорий Синаит советует Максиму Кавсокаливу перестать избегать людей и скрывать свой дар. Ведь и Господь, отмечает он, послал апостолов не в горы, а к людям, и должно, чтобы воссиял свет подвижника перед людьми, а не перед скалами (ЖМКФ. С. 88. 7-25). Этот эпизод из труда Феофана важен, поскольку житие Максима превращено им в учебное пособие для исихастов, которые не должны были сомневаться в целесообразности контактов с насельниками Афона и даже мирянами. Агиограф Филофей Коккин полагал, что чрезмерное усердие на пути уединения и исихии излишне. Свою мысль он излагает посредством рассказа о явлении Паламе, чья любовь к отшельнической жизни известна, Антония Великого, объяснявшего святому, что совершенная исихия прекрасна, но также необходимо и общение с братией (ЖГП. С. 485. 53. 11-16).

Взаимная поддержка была важна для отшельников также по причине довольно частой смены мест обитания. Среди причин перемещений особенно выделяются две. Это нападения турок, пиратов и разбойников, заставлявшие искать спасения, а также стремление к восприятию духовного опыта, сочетавшееся часто с паломничеством по святым местам. Жертвами турок на Афоне становились в первую очередь монахи, жившие вне монастырей¹. Так, Ромил был вынужден оставить Парорию из-за насилия турок (ЖР. С. 17-19). В том же житии находим сведения об ограблениях и пытках иноков разбойниками-хусарами (ЖР. С. 12). Не мог долго пребывать в ските Глоссия.

¹ Laiou-Thomadakis A.E. Saints and Society... P. 92, 97.

где постигал тайны созерцательной жизни, Григорий Палама, которого нападения турок заставили уйти в Фессалонику (ЖГП. С. 452. 24. 1-15).

Перемещения второго рода могли ограничиваться пределами Афона, чему дают множество примеров Максим Кавсокалив, Ромил, Палама и Синаит, или выходить далеко за его границы. Дальние путешествия были характерны для монашеского периода жизни патриарха Афанасия I, который кроме Афона сумел побывать в Святой Земле и в монастырях Иордана, а также в обителях на горах Латрос, Авксентия и Галезион (ЖАС. С. 7-10; ЖАК. С. 466-470).

Бытие вне монашеского сообщества и даже частая смена мест обитания не могли привести к полному разрыву связей с монастырем. За отшельником неизбежно сохранялся социальный статус, предполагавший принадлежность ему как члену определенного объединения соответствующих прав и обязанностей. Разрешение игумена на уход в скит означало для пустынножителя, что обитель будет содержать его, выделяя долю из продовольственных запасов. Той же цели достигали через хорошо известный институт аделфата¹. О Ромиле сообщается, что он не имел "от Лавры диаконии, которая и аделфатом зовется", поскольку недавно пришел в то место (ЖР. С. 21). Доставка сухарей-паксиманов и вина отшельникам осуществлялась либо их учениками, либо монахами монастыря. Как правило, приносили еду и те, кто являлись к пустынникам ради общения, чему множество примеров дают оба жития Максима Кавсокалива.

Вместе с тем памятники агиографии показывают, что в структуре отношений киновитов с анахоретами забота о материальном обеспечении последних сочеталась с постоянной напряженностью, порой переходящей на межличностном уровне в открытую неприязнь. Проявление индивидуализма, претензия на более высокий статус отшельника вызывали негативную реакцию, что привело к появлению в агиографии "общего места", состоящего из рассказов о зависти, злобе и вражде, проявляемых по отношению к святым как отдельными монахами, так и

¹ Живојиновић М. Аделфати у Византији и средновековној Србији // ЗРВИ. 1968. Кн. XI. С. 241-270; Она же. Манашки аделфати на Светој Гори // Зборник Филозофског факултета. Београд, 1974. Кн. XII-I. С. 291-303.

целыми группами. Некий Дамиан из Лавры утверждал, что в их обители есть старец, превосходящий по добродетели Максима Кавсокалива (ЖМКН. С. 50. 24-31). Этого подвижника афониты долгое время считали безумным и стремились отвести от пути отшельничества (ЖМКФ. С. 77. 6-26). Не раз испытал гонения Григорий Синаит, вызывавший, по мнению Ж. Буа, зависть своим влиянием и учением об умной молитве¹. Ромил был вынужден оставить Загорье из-за враждебности тамошних монахов (ЖР. С. 19-20).

Часто напряженность в отношениях порождалась критикой киновиального монашества отшельниками. Так, Максим Кавсокалив уличалиноков Лавры и других обителей в сокрытии денег, жадности и лжи, отказывался общаться с ними, если усматривал в их среде сторонников Акиндина (ЖМКН. С. 47. 26-33). Упреком монашеству было радикальное нестяжательство святого, проявившееся в сожжении хижин-колив. Эти акты подчеркивали презрение пустычника к заботам о нуждах плоти и не нашли понимания даже у агиографа Феофана (ЖМКФ. С. 79. 31-80. 15). В итоге увеличивалась дистанция между киновиатами и анахоретами, росло отчуждение, которое сказывалось на разных уровнях. Житие Ромила отмечает, что даже в опасное время отшельникам невозможно было сожительствовать с иноками в башне из-за обычая уединенного пребывания (ЖР. С. 17-18). При этом необходимо заметить, что агиографические тексты обходят стороной наличие в монашеской среде противоречий на этнической почве, хорошо известных по актовому материалу.

Рассмотренные аспекты темы показывают, что отношения в иноческом сообществе XIV в. представляли собой сложную структуру, находившуюся под влиянием противостояния интересов религиозного индивидуализма и киновиальных норм. Кроме того, жития свидетельствуют об оживлении в тот период в среде анахоретов тенденции к установлению корпоративных связей, вызванных необходимостью взаимной поддержки в условиях дестабилизации положения в стране и усилением в середине столетия атак на исихазм, главными приверженцами и защитниками которого являлись пустынножители.

¹ Bois J. Grégoire le Sinaïte et l'hésychasme à l'Athos au XIV-e siècle // EO. 1901-1902. T.V. P.68.